

Александром Дольским. Но дискуссии не получилось. Александр Александрович наотрез отказался принимать участие в «перебранке», посчитав это занятием, недостойным интеллигентного человека. Что ж, позиция, достойная уважения. Но не огорчайтесь, ценители слова! Александр Дольский дарит вам ранее не опубликованное стихотворение вместе с пожеланиями доброго здоровья и демократии. Но сначала — необходимый комментарий.

Оставим на совести Александра Розенбаума обвинения в «бездарности», «музыкальной безграмотности», «трехаккордном с т и и»... Простим уязвленному самолюбию нетерпимость к себе подобным. Хотя бы по той причине, что перечисленные обиды никоим образом не применимы к Дольскому — квалифицированному инженеру и профессиональному му-

зыка людей», Александр Дольскому предстояло пройти через три слоя Дантова ада крошечной поэзии, чудом избежав начальной и конечной фазы. Лишь в классицизме и социализме не оставил поз следов, да и слава Богу. Но присутствие в его поэзии основных тем и мотивов сентиментализма, романтизма и реализма, очевидно, придется доказать.

Сентиментализм Дольского: «Мне звезда упала на ладошку — я ее спросил: откуда ты?..» («Сейчас заплачу!») — сызвила по этому поводу моя коллега.

Романтизм Дольского: «Маленький принц — прозрачный дым, ты на земле необходим! Сколько миров! Сколько планет! Не облетит весь белый свет...» (Признайтесь, кто из вас, мальчиков, ставших ныне дяденьками, не заучивал эти рифмованные ниточки, как

ки зрения ее активности или пассивности. Александр Дольский никогда не лез на рожон, что вовсе не говорит об отсутствии смелости, потому что обличительный пафос — это еще не гражданская позиция. Мудрость Дольского в том и состояла, что вместо самосожжения, вместо показательного драматического катарсиса он весьма умело и даже осторожно упреждал Пегасом, не разбазаривая впустую интеллект, в то время как мысль поэта работала на полную катушку. И люди это оценили. Самые кровожадные и маститые идеологи не то чтобы пасовали перед ним — шляпу снимали, ибо в своем внутреннем бунтарстве и внешнем спокойствии Дольский был неуязвим. Как говорит, тише едешь... ..4 января 1990 года Александр Александрович давал авторский вечер в одном из ленинградских концертных

мысли, что в таких случаях полностью отключается инстинкт самосохранения. Кое-как оправдавшись там за «богатую рабочую биографию», я пришел домой и... понял, что вовсе не менял организации и весь год трудился на одном месте. Вот так и проглотил нелепое обвинение, к великому удовольствию недругов. А вообще-то я благодарен своим избирателям, поскольку набрал приличное число голосов...»

..Ниже вы прочтете одно из последних стихотворений поэта, которое просто невозможно разложить по нотам. Ныне много говорят о тбилисском позоре, забывая (или не зная?), что в Белоруссии эта трагедия разыгралась гораздо раньше. Включая «Рядовых» в программу, Александр Дольский вряд ли предполагал, что его протест вызовет такую реакцию. «Я думал, — говорил мне

двинулось за кулисы. А о том, что эти разъяренные люди устроили в примерной, судите по репликам: — Выражаем единодушное презрение от всего белорусского народа! — Вы поступили гадко и подло! — Сам русский, а продался кочевникам!.. Что мог ответить им

Ленинская слани — А. Дольский — 1990 — 15-сентябрь

КТО-ТО ПРОСТИТ, А КТО-ТО ОСУДИТ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АЛЕКСАНДРА ДОЛЬСКОГО

Вы, ОЧЕВИДНО, обратили внимание, что «Музыкальный подвал» действует с подачи «Камертона», который формально является музыкальным клубом «ЛС», а неформально — крупнейшим творческим объединением. «Камертон» располагает солидной корреспондентской сетью почти во всех крупных музыкальных центрах страны. Таким образом «Камертон» — это команда опытных и начинающих обозревателей отечественной и зарубежной музыкальной культуры, среди которой мирно сосуществуют люди различных музыкальных пристрастий. Случалось, конечно, что иногда битломаны забывали непарламентскими выражениями митражско-майскую обшину, но теперь, как

поется в одной популярной песенке, всех помирала ламбада.

А если серьезно, то мы изо всех сил и от всей души стараемся каждый из вас сделать подарком. Но стоило нам опубликовать в одном из прошлых номеров интервью с А. Розенбаумом — как моментом встряхнулись от спячки поклонники авторской песни (которой, если верить Розенбауму, в природе не существует). После того, как на бардов, членов КСП и просто любителей песен под гитару вылился ушат самой настоящей брани, обиженные восстали и потребовали предоставить трибуну своему человеку.

Наш корреспондент встретился в Ленинграде с известным автором — исполнителем

зыканту (закончил музыкальное училище по классу гитары). На его положительном примере мы и попробуем проследить эволюцию авторской песни как эклектичного жанра, парадоксально любимого и любимого одновременно.

За долгие годы творческой деятельности (а в жанре авторской песни Дольский не так давно перешагнул тридцатилетний рубеж) в представлении слушателей уже сложилась определенная исповедальная концепция. В ее достаточном малом, на первый взгляд, масштабе уместилась целая философия времени. Как всякой рефлексирующей личности, уловившей в божественном дуновении космоса высшее указание «глаголом жечь серд-

торжественное обещание юного пионера?»).

И, наконец, еще одно, последнее сказание, решающее, страстное: «Меньше всего любви достается нашим самым любимым людям...» — глубочайшая философская реальная размышление с истину. Раскусив в свое время ее нерв, я посадил в своем сердце глубокую занозу. Между прочим, до сих пор сидит. И больно.

Но я наконец-то понял, почему все, созданное Дольским, начиная с лирических баллад и вплоть до забойных сатирических циклов последних лет, должно было дожить до наших дней в свободном, без перекрытия воздуха, состоянии. Дело в том, что мудрость можно расценивать двояко, с точ-

злов. Много нового, и, может быть, неожиданного узнали зрители о своем любимом авторе — исполнителе. Надо было видеть, с какой иронией рассказывал Александр Александрович о своем «предвыборном марше» (да-да, и барда, оказывается, можно выдвинуть в депутаты. — А. Г.). Включая диктофон: «Меня как-то пригласили на встречу с избирателями. И я по-разился, насколько враждебно были настроены против меня трудовые коллективы района. Наивные, они старались меня спровоцировать вопросами типа: «Почему вы только за последний год пять раз поменяли работу?» или «Говорят, вы плохой отец и не уделяете должного внимания своим детям!». Позже я поймал себя на

впоследствии автор, — человеческая душа реагирует на насилие, на подлость однозначно — болью. Но гнев этих «мстителей», готовых растерзать меня на части после концерта, развеял иллюзии. Я был шокирован, растерян...».

А дело было так. Существовал премерзкая порода людей, для которых агрессивность и, простите, взбученность — естественное состояние души. Они так и норовят испоганить настроение окружающим! И нет ничего удивительного в том, что из вполне доброжелательной аудитории выделилась новоявленная мадам Пернель, образовавшая после концерта сплоченный депутатский коллектив. С последними гитарными аккордами музыканта шеставие

Дольский, как оправдаться? Массовый гнев слеп. Как, впрочем, и любовь.

А. ГОСТЕВ, Ленинград.

Александр Дольский. РЯДОВЫЕ

Посвящается нашим «доблестным» солдатам. То было не в Бресте, то было везде... И нет сочетания точнее. Земля проплывает по своей борозде, Что с нами случится — то с нею. Но это случилось не в Бресте, а вне его расстояний коротких, Поскольку (ну, что уж там) даже в окне Из этой бетонной коробки края Я вижу такие, такие, Такие, такие, такие,

Что радиоактивная сущность моя смыкается с городом Киев, Сливаются с местом по имени Минск, Где много детей конопатых, Которых дубинками между домин Крестили, когда Куропаты Возникли, как символ борьбы пауков

За кровососание право, За право хранения в сейфе оков Во славу безумной державы, Как символ убогой народной судьбы, И все же как память и воля... Не вышли вперед полицейские лбы, И снова вкусили мы боли. И думаю я — до чего опупел Сын русский и сын белорусский!.. Начальник — он мастер разбойничьих дел, Он спец беспощадный и узкий. Но этот-то — наш, деревенский дурак, Что лупит старух по печенке!.. Он поднял свой сытый сержантский кулак Над истиной и над девчонкой. Уж он-то бы мог понежнее избить И даже совсем отказать,

Но нет! — больше века садистскую прыть В рядах социал-демократцев Воспитывал жесткий негласный устав — Убей своедущное мнение! И ложь коммунистам сковала уста, И нас удушило терпенье. И вот слабоумный и сытый жандарм Приказ получает сладчайший — Очкариков, бабушек, дедушек, дам Слупить в красноватую кашу. И он исполняет, Дебил — не Дебил — Виновен! От риски до риски. И я предлагаю на всех, кто нас бил, Составить подробные списки. Чтоб не было больше повадно шпане, Надевшей мундиры закона. Творить беззаконие в нашей стране Под сенью обкомовских тронов. Чтоб знали: в них матери черствость сердец (А был очень добрый ребенок!), Чтоб знали их дети: папаша — подлец! Отцы понимали — подонок. Вот так и протянется тонкая нить От крови, что красит знамена. Начальников можно туда не вносить — Мы помним их всех поименно. Всей этой жестокой и подлой возней, Что мы вспоминаем ночами, Они подписали под давней резней В духовном родстве с палачами. 1988.